

«ПУТЬ СРЕДИ РЕВОЛЮЦИЙ...»

А. Турков. «Александр Блок». Издательство «Молодая гвардия». М. 1981.

СЕРИЯ «Жизнь замечательных людей» ставит перед своими авторами нелегкие задачи. Хорошо еще, если герой той или иной книги воювал, как Кутузов, или восставал, как Пугачев, совершал великое открытие в науке, как Дарвин, или «душу свою полагал» за действительное милосердие, как доктор Швейцер. Сложнее с теми героями, чья жизнь не богата внешними событиями и не однозначна в своем содержании и своих итогах, и может быть: это прежде всего относится к художникам «разных родов оружия», все события жизни которых столь тесно «узвязаны» с их творчеством, преображающим эти события, что разобратся тут исследователю нелегко.

Герой книги А. Туркова «Александр Блок», вышедшей вторым изданием в серии «Жизнь замечательных людей», писал в 1908 году: «Можно издать свои «песни личные» и «песни объективные». То-то забавно делить — сам черт ногу сломит!» И основной, объективно встающей для автора задачей было именно найти и показать связь «личного» и «объективного»: отражение истории, времени, эпохи в самом «своем», сокровенном.

Александр Блок сказал о своем пути: «...путь среди революций: верный путь». И это правда. Но творческий путь его был и очень сложным, со многими попытками найти свое, близкое в совсем чужом, отыскать союзников там, где, по существу были противники.

А. Турков вполне правомерно положил в основу книги

исследование той «трилгии вочеловечения», какой, по словам самого поэта, были три «книжки» его стихов. И не менее правомерно автор стремился раскрыть ту диалектику обретений и утрат, которая и была движущей силой на творческом пути поэта. Блок по природе своей — человек исторического мышления, первоначальной формой которого была чуткость к самому движению истории, проявлявшаяся даже в раннем творчестве.

В годы юности поэт придавал эсхатологическую окраску острому и в основе своей реальному ощущению конца определенной эпохи. Поэтому в преддверии революции 1905 года, когда Блок, по собственному признанию, «еще мало видел и мало сознавал», он все же почувствовал, что над родной страной встает «кровавая заря, грозя Артуром и Цусимой, грозя Девятым января...».

Да, А. Турков прав — возможность или неизбежность необратимых перемен ощущали и круги кадетски-либеральной интеллигенции. Но Мережковский, Гиппиус и им подобные пытались подменить реальное содержание понятия «революция» некоей «революцией духа», подготавливаемой и совершаемой в недрах религиозно-философского общества.

А. Турков раскрывает и все попытки «стилизовать» Блока, сделать из его раннего твор-

чества «знамя зари» или некоего знамени все той же «революции духа». И несмотря на разницу в оттенках, делом этим были заняты и друзья юности Блока — Андрей Белый, Сергей Соловьев (и все их круг), но и Мережковские (с их окружением).

Для автора книги еще одна сложность заключалась в том, что, совершая свой путь «по трем томам», он вместе с тем был вынужден идти и по годам, по хронологии жизненных и творческих событий в судьбе поэта. А два пути здесь далеко не всегда были синхронны. Так, тема России — Родины — невесты и жены, зарождающаяся в цикле «Фаина» (второй том), со всей силой звучит в разделе «Родина» (третий том), хотя многие стихи этого раздела написаны в годы второго тома, и по поводу вошедший в третий том цикл «На поле Куликовом» — для меня лично, может быть, самый бессмертный из всех — также создан в годы второго тома, того, который сам поэт ценил меньше всего.

«Ненавижу людей, которые больше всего любят второй том», — сказал он как-то.

Не «синхронны» (по датам) с третьим томом и стоящий в нем цикл «Ямбы», и многие отдельные стихотворения. Этого вопроса автор книги почти не коснулся, вероятно, оттого, что не хотел перегружать повествование скрупулезным анализом тем, образов, мотивов,

какими отмечены два последних тома «трилогии».

Но большая заслуга А. Туркова перед широким читателем (на которого рассчитана книга) заключается в том, что он убедительно и точно показал соотношение «личного» и «внеличного» в лирических циклах второго тома, в цикле «Кармен» — третьего.

«Рокоты забытых бурь», «отзвук забытого гимна»... — все это неуловимо играет отблесками воспоминаний и мыслей о «певучей грозе» революции, о «голосе черни многострунного», этом меняющем цвет океане». И еще одно надо сказать об отношении автора к «личному», интимному в жизни художника. Здесь он проявил большую independence и такт, подлинное уважение к памяти поэта.

Общественное же («объективное») раскрыто в книге со всей беспощадностью, в ключе тех строк, которые стоят в неотправленном письме Блока к Зинаиде Гиппиус (1918 год): «...нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й, когда я еще мало видел и мало сознавал в жизни. Мы встречались лучше всего во времени самой глухой реакции, когда дремало главное и просыпалось второстепенное». Об этом «разделении», фактическом одиночестве Блока в своем кругу в годы реакции, автор книги рассказывает точно и ярко, вспоминая и о том, как была принята в стихи статья Блока «О реализме», какую бурю вызвала его защита Горького от тех, кто вопил о конце Горького, с какой презрительной осторожностью была принята поэма «Возмездие».

Травля Блока после Октября, после «Двенадцати» и статей о России и интеллигенции была закономерна — это хорошо показывает автор книги. Иначе и не могли реагировать кадетствующие и религиозно философствующие интеллектуалы, еще в 1909 году в сборнике «Веки» благословившие царскую власть, «которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Тот анализ «Двенадцати», который дан в книге, кажется мне вполне убедительным.

Думаю только, что автору следовало бы коснуться чрезвычайно важного для творчества Блока вопроса о сорее революционного «духа музыки» с моралью.

Вопрос о неизбежности такой сорее Блок поднимал в ту пору не только в «Двенадцати», но и в статье «Катилина», где он решается на материале римской истории и мировой литературы от Катутла до Ибсена, и в других работах тех лет.

В книге А. Туркова есть много умных догадок о внутренней связи образов и тем разных произведений, написанных в разные периоды творчества, об отзвуке в стихах Блока завоеваний русской и мировой классики.

Не все из многочисленных догадок автора для меня убедительны. Внутренней связи, например, между «Вольными мыслями» и циклом «На поле Куликовом» я не ощущаю.

Думаю также, что автор несколько переоценил общее значение поэмы «Соловьиный сад». Не всегда, на мой взгляд, следует доверяться памяти некоторых мемуаристов. Но книга в целом говорит о поэте правду, нужную читателям.

Е. КНИПОВИЧ